

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «МОСКВА» В ЛИРИКЕ ЛЕОНИДА ГУБАНОВА

Раскрываются основные особенности пространственного концепта «Москва», который рассматривается в контексте концептуальных характеристик хронотопа лирики Леонида Губанова и основополагающих мировоззренческих доминант художественного сознания поэта.

Ключевые слова: *хронотоп, концепт, концептуальная оппозиция, амбивалентность.*

Леонид Губанов (1946–1983) – один из наиболее ярких поэтов своего времени, лидер литературного объединения СМОГ. Своей самобытностью и независимостью художественного мышления Губанов совершенно не вписывался в контекст советской литературы. Соответственно, пути к читателю для поэта были закрыты, его наследие долгое время существовало исключительно в рамках сам- и «тамиздата». Это привело к двойственности положения Леонида Губанова в искусстве и обществе и породило особый тип амбивалентного сознания, которое, в свою очередь, стало одной из доминант моделирования системы пространства и времени в лирике поэта.

Связь лирического хронотопа с биографическим обнаруживается при обращении поэта к образу Москвы. По нашему мнению, данный образ в лирике Губанова является концептуальным. Понятие «концепт» в данной работе рассматривается как «смысловая константа, вбирающая в себя множество сем, которые реализуются в конкретной ситуации или определенном тексте и имеют надличностную природу» [7. С. 87]. Рассмотрим основные особенности реализации сем концепта «Москва» в лирике Леонида Губанова.

«Губанов родился в столице и почти не покидал ее» [5. С. 64], следовательно, прекрасно знал географию своего родного города. Отсюда довольно частое появление в текстах стихотворений реальных пространственных координат: названий улиц и объектов исторического центра (Кремль, Красная площадь, Ордынка, Пречистенка, Тверская, Арбат и так далее), районов (Кунцево), московских рек (Москва, Сетунь). При этом, несмотря на соотносительность пространственного локуса «Москва» и его составляющих с реальной биографией поэта, пространство сохраняет свою мифотворческую функцию, метафоричность, концептуальную насыщенность. В пространственном

контексте московских улиц Губанов развивает автобиографический миф, связывая свое имя и биографию с судьбами классиков: «У Тверской есть памятник, он чешет моими стихами спину –/ Иначе не может стоять прямо» [4. С. 159]; «Пусть состоится наш концерт,/ где дирижером наша слава,/ там на Садовом на кольце,/ где Мише Лермонтову сладко/ смотреть на метрополитен» [4. С. 257]. При этом обращение к образам великих предшественников совсем не исключает упоминания современных поэту реалий: «...а за мной шашлык из стукачей –/ один кусок застрял в горле у Красных ворот,/ другой подгорает у памятника Пушкину./ Я иду... как гроздь винограда, – а кто граф?!/ В этой пустоши, где любить запрещают...» [4. С. 316]. «В одном из домов на Садовой, напротив Красных ворот, в приходе патриаршей церкви Трех Святителей... родился у супругов Лермонтовых – Юрия Петровича и Марии Михайловны – сын», – сообщает нам биография М. Ю. Лермонтова [2. С. 6]. Леонид Губанов интересовался судьбами классиков русской поэзии, которых осознавал своими предшественниками, поэтому появление Красных ворот в тексте стихотворения наверняка не случайно. Таким образом, поставив себя между двумя великими вершинами русской литературы – Лермонтовым и Пушкиным, – Губанов оказывается в то же время под прицелом пристального внимания официальных надзорных органов и их соглядатаев. Мир раздвоен, в систему исконных духовно-нравственных и культурных ценностей вмешиваются чуждые, деструктивные силы. Отсюда негативное отношение поэта к современности, отсюда – заявленный трагический статус поэта и человека в советской России, отсюда – негативные характеристики Москвы, которые доминируют в губановских текстах: «моя коварная столица,/ которую я не признал» [4. С. 475]; «горбатая Москвой Россия зубы скалит,/ ее с ее тоской

могила не исправит» [4. С. 279]; «жуткой и жалкой столицы» [4. С. 99].

Развивается в этом контексте мифологема поэта-пропойцы: «Пока вы мрете, как клопы плечистые,/ напившись крови изумрудно-тающих,/ я буду с водкой обходить Пречистенку/ и выпивать за прорубь утопающих!» [4. С. 260]. При этом, несмотря на то, что упоминаемые Губановым топографические наименования относятся к центру города, происходит ценностная и коннотативная перекодировка пространства в лирике поэта: центр, несоотносимый для Губанова с возможностью положительной самореализации, приобретает черты окраины. Именно поэтому одной из возможностей существования в городе становится алкоголь, подчеркивающий нарочито маргинальную сущность губановской музыки: «Есть девяносто девять баб.../ Они умоют, успокоят,/ Есть, наконец, кривой Арбат,/ Где от любой печали поят» [4. С. 113]. Выпивка становится не только средством избавления «от любой печали», но и проводником в иное состояние мира, где смещены пространственные (а в конечном итоге, и ценностно-мировоззренческие) ориентиры.

Еще одной возможностью нарушения границ и перекодировки московской топографии становится прием ретроспекции: «Деревянным Арбатом все в крови убегают слова...» [4. С. 283]. В силу того, что Губанов воспринимает прошлое как возможное самоидентификационное поле, исторические реалии транслируются на современность и современный поэту Арбат становится «деревянным». В стихотворении «Завтрак черного человека» появляется характерный для лирики Губанова образ бояр, воспринятый, однако, не в традиционном для поэта контексте: «спасибо вам, боярьи выи,/ за вашу благодать: пасть раскрыв,/ что вы еще не запретили/ мое лицо – лицу Москвы» [4. С. 299]. Образ может иметь двоякую трактовку. С одной стороны, в этом стихотворении мы можем соотнести бояр с концептом «власть»: поэт иронически благодарит официальных лиц за то, что ему – официально не существующему в советской литературе поэту – позволено хотя бы ходить по улицам родного города, существовать в реальном пространстве столицы. С другой стороны, если не принимать во внимание возможную ироническую составляющую, то можно понимать данный образ иначе: Губанов благодарит через это обращение всю русскую историю, забытое допетровское прошлое страны за то, что оно является для поэта своего

рода отдушиной, возможностью творить, ведь именно русская история становится для поэта одной из основных доминант эстетического самоопределения, именно историческая, древняя Москва выступает одной из основополагающих составляющих пространственно-временной модели.

На пространство современной Губанову Москвы могут наслаиваться не только координаты условного исторического прошлого, но и пространственные реалии биографического прошлого поэта: «Я помню себя, когда еще был жив Сталин,/ пыльную Потылиху, торт Новодевичьего монастыря,/ радость мою, – детство с тонкой талией,/ в колокольном звоне – учителя. // О, я не такой уж плохой, прошлое!/ Я забыл математику да Окружной мост...» [4. С. 239]; «Бережет меня Бережковская набережная» [4. С. 241]. О топографической точности Губанова свидетельствует Лев Аннинский: «Волею судьбы я тоже “помню себя” в данном пейзаже, ибо вырос на той самой Потылихе... С Потылихи в центр ведет привычный маршрут: под аркой Окружного моста – на Бережковскую набережную... А за рекой... светится Новодевичий монастырь. Так что мальчик, живущий на Бережковской набережной и бегающий в потылихскую школу изучать математику, утром и вечером слышит колокольный звон – на всю тогдашнюю Москву чуть ли не единственно разрешенный» [1. С. 193]. В том же районе находится устье реки Сетунь, впадающей в Москву-реку. В поэме «Сетунь» Губанов «обращается к речушке нежно, как к живому, ласковому существу, чье женское начало для него несомненно... Разговор с ней идет доверительный, даже интимный» [6. С. 23]. «Светка-Сетунь», «Сетунька» [4. С. 664] называет Губанов любимую им с детства родную реку. При этом детализированная точность изображения Москвы детства («помнишь, без гранита была река-то?») [4. С. 241]) сочетается с условностью хронотопа (так, в поэме «Сетунь» лирический герой сливается с окружающим пространством, рефреном звучит его заявление: «Я – река!» [4. С. 666]). Это, безусловно, вновь свидетельствует о концептуальности пространственной составляющей губановского хронотопа, а также его амбивалентности: детство, прошлое, воспоминания на равных основаниях сосуществуют с пространством современности, при этом противостоят ему по ценностно-мировоззренческим параметрам. Через наименования улиц, набережных, мо-

стов, а также посредством детализации московское пространство биографического прошлого автора соотносится с современностью и, несмотря на свою, казалось бы, иллюзорность, условность, становится в лирике Губанова вполне реалистичным, осязаемым. Это своего рода альтернативная пространственно-временная реальность, посредством которой создается своеобразная модель мира в лирике поэта.

При этом конкретные пространственные координаты порой становятся формообразующим и концептуальным стержнем модели мира. Так, в стихотворении «Москва-река» главная водная артерия столицы становится культурно-идеологическим и пространственно-временным центром миромоделирования: «Москва-река, мужицкая река.../ Мы сотни лет бока твои косили/ роняли слёзы жёлтые сады./ и сотни лет в растерзанной России/ в Москве хлебали грусть твоей воды» [3. С. 267]. Меняются времена, сменяют друг друга правители, меняется внешний облик реки («тебя в гранит оденут» [3. С. 267]), но река продолжает символизировать национальный менталитет, русскую духовность, связь поколений, трагическую историю страны: «Пусть будет время горестным и грозным,/ пусть будет Грозный царствовать в Москве,/ ты будешь прятать ночью в сердце звезды/ и рыбью смерть закапывать в песок» [3. С. 267]. Пространственная координата в данном случае становится вневременным образом-символом.

При этом современная Губанову Москва воспринимается поэтом прежде всего негативно. Это довлеющее пространство, наполненное в основном тяжелыми воспоминаниями и неприемлемыми для поэта, отталкивающими реалиями. Традиционные ценности разрушаются, улицы исторического центра наполнены зловещими, негативными образами: «Не откину вам я кудрей молодежавых./ По Ордынке яд голубей прокаженных./ Мимо волчьих ям ты меня провожала./ И гремел мой ямб в парижан пораженных» [4. С. 166]; «На запястье прохрипит мой околевший пульс./ Его ласкали две медсестры с Пресни» [4. С. 242].

При этом Губанов ощущает трагизм своего амбивалентного существования, тоскует по ощущению гармонии с окружающим миром: «Прости меня, Москва,/ За буйство и за боль – Венчала нас тоска,/ А веселил запой.// Запомни кровь свою/ На женщинах в шелках/ Тех шуток, где стою/ Я в порванных шнурках»

[4. С. 138–139]. Однако перечисленные нами разительные отличия современной Губанову Москвы от идеальных моделей мира, сложившихся в сознании поэта, не позволяют ему реализоваться в пространстве столицы и вынуждают занимать в нем окраинную, маргинальную позицию.

В конечном итоге мы можем говорить об амбивалентности концепта «Москва» в лирике Леонида Губанова, объединив основные семы в две обширные пространственно-временные группы:

1) Москва советская, запечатленная, соотносимая с не принимающим поэта современным миром;

2) Москва условная, существующая исключительно в рамках лирического мира Губанова. Именно здесь поэт находит основные координаты самоидентификации. Амбивалентность, несмотря на ярко выраженную, намеренную оппозицию поэта относительно официальной «советской» Москвы, ощущается как трагический разлад, оторванность человека от родины в контексте отрыва родины от своих корней, от культурно-исторического прошлого.

Таким образом, мы можем выделить следующие особенности реализации сем концепта «Москва»:

1) амбивалентность концепта «Москва», связанная с амбивалентностью поэтического сознания Губанова;

2) мифотворческая насыщенность семантических составляющих, обращение к московской топографии как к способу соотношения собственного лирического «Я» с судьбами классиков;

3) метафоричность, условность реального городского пространства, насыщение реальных пространственно-временных координат мифологической и исторической семантикой.

Семантическое многообразие пространственного концепта «Москва» и особенности его реализации свидетельствуют о сложном процессе авторской самоидентификации в поэзии Леонида Губанова, а также отражают ведущие принципы миромоделирования в лирике поэта.

Список литературы

1. Аннинский, Л. А. В таинственном бреду // Дружба народов. 2009. № 7. С. 187–195.
2. Афанасьев, В. В. Лермонтов. М., 1991. 560 с.

3. Губанов, Л. Г. И пригласил слова на пир : стихотворения и поэмы / сост. И. С. Губанова. СПб., 2012. 592 с.
4. Губанов, Л. Г. Я сослан к музе на галеры / сост. И. С. Губанова. М., 2003. 736 с.
5. Журбин, А. А. Интертекстуальность творчества Леонида Губанова : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2006. 185 с.
6. Крохин, Ю. Профили на серебре: повесть о Леониде Губанове. М., 1992. 144 с.
7. Белова, Н. А. Концепт «город» в современном литературоведении // Вестн. Югор. гос. ун-та. 2012. Вып. 1 (24). С. 87–91.